

УДК 821.12.01/3

Юзвяк Й.
(Быдгощ, Польша)

АМЕРИКАНСКИЙ КОЛОРИТ В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Стаття присвячена розгляду проблеми віддзеркалення культурно коннотованих мовних елементів, котрі допомагають створити американський колорит твору в російсько-польському перекладі. Аналіз виконується шляхом порівняння способів введення такого типу елементів в російський та польський тексти і оцінки відмінностей в сприйнятті.

Ключові слова: переклад, культурна компетенція, культурний колорит, реалії, третя культура.

Статья посвящена рассмотрению проблемы отражения культурно коннотированных языковых элементов, помогающих создать американский колорит произведения в русско-польском переводе. Анализ производится путем сравнения способов введения такого типа элементов в русский и польский текст и оценки различий в восприятии.

Ключевые слова: перевод, культурная компетенция, культурный колорит, реалии, третья культура.

The article deals with a problem of reflection of language elements, helping to create the American cultural background in the Russian-Polish transfer. The analysis is made by comparison of ways of introduction of elements of this kind in the Russian and Polish text and estimates of distinctions in perception.

Key words: translation, cultural competence, cultural background, language realities, third culture.

В исследовательской литературе по теории перевода неоднократно рассматривалась проблема переводческой компетенции и ее составляющих. В настоящее время в связи с взаимопроникновением культур, вызванным также усилением процессов глобализации, что находит непосредственное отражение в языковом материале, акцент переносится на культурный аспект переводческой деятельности.

По мнению А. Майкевич [1: 116, 130], культурная компетенция имеет основное значение в процессе совершения выбора между стратегией освоения и экзотизации при отражении культурных явлений, в особенности таких, которые призываются имплицитно или с помощью аллюзий, укоренившихся в пространстве исходной культуры и одновременно малопонятных для получателей перевода. В данном плане следует отметить, что переводчик должен обладать двойной культурной компетенцией, какой, как правило, не располагают читатели перевода [1: 116].

© Юзвяк Й., 2012

Надо также обратить внимание на факт, что в зависимости от роли, выполняемой в тексте данной языковой единицей, может изменяться подход автора перевода к элементам, относящимся к иной культурной действительности. Как замечает Д. Урбанэк, в культурологическом тексте культурные особенности являются главной темой и касаются также способа сложного описания чужой культуры – в отличие от т.н. элементов чуждости, составляющих фон или элемент инокультурного фона в переводе. [2: 42].

Ситуация осложняется, когда в исходном тексте находятся ссылки на более чем один культурный круг и переводчик вынужден передать не только языковую и культурную обусловленность оригинала, но также связи, возникающие между языком оригинала, а также языком перевода и языком очередного, иного культурного круга.

Согласно терминологическому определению Д. Урбанэк, элементы, чужие как языку и культуре оригинала, так и языку и культуре перевода, называются элементами третьей культуры. [3: 160] Они представляют собой потенциальный источник затруднений, поскольку при их передаче осуществляется нарушение двуязычия переводчика – он должен такую единицу заметить, классифицировать каким-нибудь образом и передать [3: 161].

В польской литературе по теории перевода, согласно терминологии Р. Левицкого, компоненты текста, которые способны активизировать восприятие чуждости в процессе предполагаемой и фактической рецепции текста считаются потенциальными носителями чуждости. [4: 45] Хотя данное понятие относится к элементам языка и культуры оригинала, подлежащих переносу в текст перевода, можно его также вполне оправданно использовать, анализируя отражение в тексте перевода единицы из т.н. третьей культуры.

Следует обратить внимание на факт, что, может быть, вопреки первому впечатлению, проблемы, связанные с передачей языковых единиц, чужих культурам оригинала и перевода, появляются не так редко, потому что относятся, например, к ситуации, когда действие произведения происходит вне страны главного героя, говорящего на языке оригинала, или в случае, если в ходе событий появляются иностранцы, воспринимающие действительность через призму своего культурного опыта.

Материалом для настоящих рассуждений послужили языковые единицы, почерпнутые из рассказа представителя современной русской прозы Б. Акунина *Долина мечты* из тома *Нефритовые четки*, а также из его польского перевода *Dolina Marzeń*, сделанного Э. Роевской-Олеярчук. В плане сигнализированной проблематики текст показался нам интересным, так как главный герой Эраст Петрович Фандорин – русский и его бесценный друг Маса – японец решают очередную криминальную загадку на Диком Западе, благодаря чему в тексте не удастся избежать культурного столкновения.

Культурная тождественность проявляется в языковых знаках, указывающих на принадлежность к иному культурному кругу. Большинство компонентов, участвующих в создании культурного фона, национального или местного колорита, также чужого исходному и/или переводящему языку, в процессе восприятия текста читателями способны активизировать упомянутое восприятие чуждости. Стоит отметить, что данная ассоциация может иметь конкретный или более общий характер [4: 123]. В случае третьей культуры желательно вызвать конкретную чуждость, т.е. ассоциацию с определенной страной и/или языком, что является возможным, если в распоряжении реципиента имеются предварительные знания относительно наличия особых денотатов в конкретной стране [4: 123].

Процесс передачи элементов т.н. третьей культуры опирается в какой-нибудь степени на решения, известные переводчикам в связи с отражением единиц с культурной коннотацией. Но на практике могут возникнуть совсем другие проблемы.

Начиная с одной из самых популярных техник – транскрибированной записи, следует подчеркнуть, что в польском языке имеются стандартные правила переводческой транскрипции русских слов, в том числе антропонимов, топонимов, реалий, которые чаще всего помогают создать культурный фон в любом произведении. Согласно польской языковой традиции, допускающей в определенных случаях употребление полонизированных вариантов, в анализируемом рассказе появляются следующие записи: *Маврикий Христофорович Старовоздвиженский* – *Mawrikij Christoforowicz Starowozdwiżeński*, *Кузьма Кузьмич Луков* – *Kuźma Kuźmicz Lukow*.

Однако, столкновение более чем двух культур, о котором упоминалось выше, приводит к появлению таких моментов, когда автор оригинала через транскрибированную запись обращает внимание на культурную тождественность героев. В одном фрагменте текста герой объясняет причины изменения своего имени и фамилии в американском обществе. В оригинале выступает тогда исходный вариант *Маврикий Христофорович Старовоздвиженский* и транскрибированный с русского на английский вариант *Mavrikiy Christophorovich Starovozdvizhenskiy*. В польском языке дифференциация произошла между двумя транскрибированными записями, ср. *Mawrikij Christoforowicz Starowozdwiżeński* и *Mavrikiy Christophorovich Starovozdvizhenskiy*, что несомненно усилило восприятие чуждости у читателей оригинала и вызвало частично отличающиеся ассоциации.

Проблемы другого типа связаны с существенным и базовым различием между русской и польской транскрипцией в случае передачи слов, записанных латинским алфавитом. Как известно, русская транскрипция имеет фонетический характер, в то время как польские нормы предусматривают возвращение к оригинальной записи. Процедура кажется четко определенной, но на практике обозначает, что русско-польский переводчик должен знать английский язык, так как различия бывают существенными, ср. *Корк Каллиган* – *Cork Cullighan*, *Сюзь Шортфилд* – *Suzie Shortfield*, *Нед О'Пирь* – *Ned O'Peary*, *Мелвин Скотт* – *Melvin Scott*, *Морис Стар* – *Maurice Star*, *Вошингтон Рид* – *Washington Reed*. Такую ситуацию можно считать нарушением двуязычия переводчика. В случае значимого прозвища *Рэттлер Тэд* – *Rattler Ted* в обоих языках дается сноска с объяснением значения слова *rattler* – гремучая змея / grzechotnik.

Конечно, общеизвестные имена и фамилии, вызывающие ассоциации с данной культурой, позволяющие однозначно отнести действие к определенному месту, например, *Джесси Джеймс* – *Jesse James*, *Буффало Билл* – *Buffalo Bill*, а также топонимы, играющие важную роль в создании местного колорита, такие как: *Вашигтон* – *Waszyngton*, *Бостон* – *Boston*, *Миннеаполис* – *Minneapolis*, *Миннесота* – *Minnesota* должны находиться в когнитивной базе переводчика и не вызывать никаких затруднений. Однако, передача менее известных или реже употребляемых антропонимов или топонимов может оказаться не такой простой, ср. *Круктаун* – *Crooktown*, *остров Бедлоуз* – *Bedloe'e Island*, *Сканк-Лейк* – *Skank Lake*.

Кроме указанных примеров ономастических реалий [5: 110-111], в рассматриваемых текстах находятся и этнографические реалии, по словам Н.К. Гарбовского, в художе-

ственных текстах придающие высказываниям определенный национальный, региональный или местный колорит, составляющий неотъемлемую часть поэтики переводимого текста [6: 483].

В рассказе выступают, например, наименования оружия: *герсталь*, *дerrинджер*, *кольт*, *смит-энд-вессон*, переводящиеся на польский язык путем восстановления оригинальной записи, т.е.: *herstal*, *derringer*, *colt*, *smith&wesson*, но и здесь действителен принцип частотности употребления в данном языке – практически только название *colt* можно считать очевидным для польского реципиента.

В тексте встречаются наименования частей поверхности определенного предназначения типа *ранчо*, *корал*. Первый пример имеет закрепленное в польском языке соответствие *rancho* и таким же образом передается. Второе слово появляется в оригинальной английской записи *corral*.

Также некоторые английские наименования гостиниц требуют в польском переводе оригинальной формы, а не использования транскрипции, например, *гостиница «Грэйт-Вестерн»* – *hotel «Great Western»*.

Американский колорит подчеркивает использование Акуниным таких не закрепленных в русском языке наименований лиц, как *растлэр*, *топхэнд*. Данные слова в польском варианте рассказа переводчик оставляет на английском языке, ср: *rustler*, *tophand*, достигая соответствующего коммуникативного эффекта. В случае более известного слова *ганфайтер*, переводчик применил необычный для польского языка прием – запись, опирающуюся на произношение, т.е. *ganfajter*, вместо установленного соответствия *rewolwerowiec*.

Способ передачи элементов третьей культуры обусловливается функцией, какую они выполняют в тексте. Выше приводились примеры слов, передающих культурные коннотации и помогающих формировать национальный колорит. Однако, в рассматриваемом рассказе имеются моменты повествования с иноязычными элементами, выполняющими также характеризующую функцию. И тогда особо ярко заметны различия между восприятием в русском и польском языках. Для иллюстрации проблемы используем несколько высказываний из оригинала и сравним их с польским вариантом перевода: „*Плиз, мистер! Окей!*” [7: 308] – „*Pliz, mister! Okej!*” [8: 294]; „– ...Люди мы мирные, враги всякого *вайоленса*, у нас и оружия нет, даже ворон от огородов одними криками отгоняем” [7: 309] – „– ...*Jesteśmy ludzie spokojni, przeciwnicy wszelkiego wajolensu, nie mamy broni, nawet wrony z warzywników odpędzamy tylko krzykiem!*” [8: 294]; „Мол, живите у себя, как хотите, а нашу *прайваси* не трогайте” [7: 309] – „*Znaczu: żyjcie u siebie, jak chcecie, a naszej prajwasy nie zakłócajcie!*” [8: 295]; „Бывший *аутло*, грабитель с большой дороги. А потом получил пардон от губернатора и стал работать на *эйдженси* Пинкертонa” [7: 312] – „*Były autlo, bandyta ze szlaku. A potem dostał pardon od gubernatora i zaczął pracować dla ejdżensy Pinkertona!*” [8: 297].

Графически выделенные автором рассказа (кроме *плиз*) английские слова служат характеристике героя как человека, который много лет живет уже в Америке и, говоря на родном русском языке, вводит в свою речь английские слова, редко им употребляемые или являющиеся названиями американских реалий.

Облик слов в русском языке связан с правилами транскрипции. Учет произношения и отражение его в письменной форме в польском языке привело к искажениям, вы-

зывающим совсем другие ассоциации и частичное непонимание. У польского читателя возникает противоположное намеренному впечатлению, что председатель общины „Луч света” неправильно говорит на английском языке. А ведь надо иметь в виду, что, по словам И.С. Алексеевой, „понятие переводческой эквивалентности включает представление о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и представление о средствах достижения этого результата”, [9: 139].

Следует также отметить возможность появления отношений к различным культурам в ссылках интертекстуального характера. С точки зрения читателя перевода факт принадлежности таких элементов к культуре оригинала или к третьей культуре не имеет существенного значения. Намного важнее, насколько они известны реципиенту и какой вид чуждости они вызывают. Позволяет это сохранить преднамеренные автором ассоциации, но иногда требует введения объяснений, например, в форме сносок. В рассматриваемом тексте перевода не обнаружилась потребность объяснения английских интертекстуальных элементов, хотя есть сноски, содержащие объяснения, относящиеся к русской культуре. Единичным примером ссылки интертекстуальной ссылки может служить заглавие известного романа Гарриет Бичер-Стоу *Хижина дяди Тома*. Оно перенесено в текст перевода с помощью установленного польской традицией соответствия *Chata wuja Toma*, поскольку оба заглавия вызывают такие же ассоциации у представителей обеих культур.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что отражение переводчиком культурного фона оригинала является сложной задачей, но не единственной в процессе перевода текста. Появление элементов, чужих как культуре оригинала, так и перевода, требует от автора переводческого варианта дополнительных знаний, как будто мультикультурной компетенции, богатой когнитивной базы, умения оценить знания потенциальных реципиентов не только по отношению к культуре оригинала, но и по отношению к иным культурам, а также способности принять соответствующие переводческие решения в каждом отдельном случае. Самым важным следует считать индивидуальный подход к каждому компоненту текста и умение сделать выбор способа передачи данного элемента с учетом различий при восприятии, опираясь на теоретические рекомендации, практический опыт и переводческую интуицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Majkiewicz A. Intertekstualność – implikacje dla teorii przekładu: Wydawnictwo Naukowe PWN – Warszawa, 2008 – 329 c.
2. Urbanek D. Od rosyjskiej Biezduchowności do polskiej Pustki duchowej. Kilka uwag o przekładzie tekstów kulturoznawczych / J. Brzozowski, M. Filipowicz-Rudek (red.) Między oryginałem a przekładem. XV. Obcość kulturowa jako wyzwanie dla tłumacza: Księgarnia Akademicka – Kraków, 2009 – 526 [11] c.
3. Urbanek D. Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej: Wydawnictwo Trio, Instytut Ruscystyki Uniwersytetu Warszawskiego – Warszawa, 2004 – 260 c.
4. Lewicki R. Obcość w odbiorze przekładu: Wydawnictwo UMCS – Lublin, 2000 – 176 c.
5. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы: Издательство КДУ – Москва, 2006 – 240 c.

6. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Издательство Московского университета – Москва, 2007 – 545 с.
7. Акунин Б. Долина мечты / Акунин Б. Нефритовые четки: Издательство «Захаров» – Москва, 2008 – с. 260 – 445.
8. Akunin B. Dolina marzeń / Akunin B Nefrytowy różaniec: Świat książki – Warszawa, 2009 – с. 249 – 414.
9. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Издательский центр «Академия», Филологический факультет СПбГУ – Москва, Санкт-Петербург 2006 – с. 347.